

## ДВА ВЗГЛЯДА НА LEX CLAUDIA DE NAVE SENATORUM

В недавно вышедшем сборнике, посвященном феномену римского империализма<sup>1</sup>, были опубликованы несколько работ, изданных в различное время, которые затрагивают проблему интерпретации одного из самых загадочных римских законов III в. до н. э. – закона Клавдия (*lex Claudia de nave senatorum*)<sup>2</sup>, принятого в 218 г. до н.э.<sup>3</sup> Открывает сборник статья известного английского антиковеда, работающего в США, Вильяма Харриса, посвященная экономическим аспектам проблемы римского империализма во II в. до н.э.<sup>4</sup> Характеризуя различные формы воздействия войны на римское общество, автор неоднократно обращается к закону Клавдия, рассматривая его в контексте проблемы экономических интересов сенатской аристократии Рима того времени. Харрис отвергает данное Ливием обоснование причин принятия закона, как не учитывающее исторических условий ни 218 г. до н.э., ни II в. до н.э.<sup>5</sup> Основная проблема, на которой автор акцентирует внимание, – это отношение римской знати к богатству и путям его достижения. Поскольку сообщение Ливия часто интерпретируется как указание на существование в среде римской аристократии отрицательного и даже презрительного отношения к богатству, полученному в результате торговли или иных форм деловой активности<sup>6</sup>, Харрис делает попытку опровергнуть такое толкование<sup>7</sup>. По его мнению, запрет сенаторам и их сыновьям владеть морскими кораблями вместимостью свыше 300 амфор<sup>8</sup> (ок. 7–8 тонн)<sup>9</sup> указывает на то, что часть сенаторов имела экономические интересы, выходявшие за границы традиционной земельной собственности, хотя большинство сохраняло приверженность старым способам хозяйствования<sup>10</sup>. В то же время автор признает, что состояние источников не позволяет судить о масштабе деловых интересов сенаторов II в. до н.э.<sup>11</sup>

По сути, данная статья является составной частью известного труда В. Харриса «Война и империализм в республиканском Риме», новое издание которого вышло в 2000 г.<sup>12</sup> Обратившись непосредственно к этой работе, мы можем несколько расширить представление о взглядах автора на закон Клавдия. В своей книге Харрис еще более решительно отвергает даваемое Ливием объяснение причин принятия *lex Claudia*, обозначая его как «совершенно неадекватное»<sup>13</sup>.

<sup>1</sup> Roman Imperialism. Readings and Sources / Ed. C.B. Champion. Malden–Oxford–Carlton, 2004.

<sup>2</sup> Основным источником сведений о законе является небольшое сообщение Ливия (XXI. 63. 3–4). Некоторым дополнением к нему служит одна из речей Цицерона против Гая Верреса (2 Verr. V. 45).

<sup>3</sup> Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. N.Y., 1950. P. 238. Ц. Явец называет 219 г. до н.э., никак не аргументируя свое мнение (Yavetz Z. The Policy of C. Flaminius and the Plebiscitum Claudianum // Athenaeum. 1962. 40. P. 325. Not. 1).

<sup>4</sup> Harris W.V. On War and Greed in the Second Century B.C. // Roman Imperialism... P. 17–30 (= American Historical Review. 1971. 76. P. 1371–1385).

<sup>5</sup> Ibid. P. 24.

<sup>6</sup> Liv. XXI. 63. 4: *quaestus omnis patribus indecorus uisus* – «торговля же признавалась для сенаторов безусловно позорной» (пер. Ф.Ф. Зелинского).

<sup>7</sup> Одним из наиболее ярких примеров в этом ряду являются работы Тенни Франка, несомненно, оказавшие сильное влияние как на современную ему, так и последующую историографию: Frank T. An Economic History of Rome. Baltimore, 1927. P. 108–126. Ср. Earl D. The Moral and Political Tradition of Rome. L., 1967. P. 31–32.

<sup>8</sup> Liv. XXI. 63. 3: *ne quis senator cuius senator pater fuisset maritimam nauem, quae plus quam trecentarum amphorarum esset, haberet*.

<sup>9</sup> Жан Руже высказывает сомнение в точности приводимых Ливием данных о водоизмещении морских кораблей, поскольку их средний размер составлял 150–500 тонн, хотя встречаются упоминания и о судах грузоподъемностью около 30 тонн (Rougé J. Recherches sur l'organisation du commerce maritime en Méditerranée sous l'Empire romain. P., 1966. P. 12). Лайонел Кассон к морским транспортным судам (*maritimae naves*) относит корабли грузоподъемностью 50–80 тонн (Casson L. Ships and Seamanship in the Ancient World. 2 ed. Princeton, 1986. P. 170–173). Однако отсутствие точных данных о размерах и тоннаже римских торговых судов в III в. до н.э. говорит в данной ситуации скорее в пользу сведений, сообщаемых Ливием.

<sup>10</sup> Harris. On War and Greed... P. 23.

<sup>11</sup> Ibid. P. 22.

<sup>12</sup> Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C. Oxf., 1979 (Revised ed. Oxf., 2000). Далее цитируется первое издание.

<sup>13</sup> Ibid. P. 66.

То, что сенат в полном составе выступил против принятия закона, должно, по его мнению, указывать на то, что текст закона не отражал точку зрения и интересы самих сенаторов. Харрис оговаривается, что лишь небольшая часть сенаторов была глубоко вовлечена в широкомащтабную морскую торговлю (основанием для этого вывода служит то, что закон все же был принят)<sup>14</sup>. Кто же в таком случае инициировал принятие *lex Claudia*? По мнению исследователя, которое в данном вопросе не является оригинальным, закон был принят под давлением зажиточного слоя граждан, занятых торговой деятельностью, которые видели в сенаторах своих конкурентов и сумели обеспечить серьезную политическую поддержку выгодного им закона<sup>15</sup>. Вообще автор не склонен придавать закону Клавдия слишком большого значения, считая его с самого начала «неработающим», так что ко времени Цицерона он уже являлся «древним и отжившим»<sup>16</sup>. Как полагает Харрис, сенаторы с самого начала научились обходить ограничения, вводимые законом, действуя через подставных лиц из числа низших сословий, чья экономическая активность не была юридически ограничена<sup>17</sup>.

Проблема интерпретации Клавдиева закона затрагивается и в статье, принадлежащей не менее известному антиковеду, также работающему в США, Эриху Грюэну<sup>18</sup>. Как и в случае с работой Харриса, статья Грюэна содержит положения, присутствующие в его получившей широкую известность книге «Эллинистический мир и наступление Рима»<sup>19</sup>. Он также подвергает критике сообщение Ливия, указывая, что описание сенатской оппозиции закону, который поддержал будто бы только Гай Фламиний<sup>20</sup>, выглядит сильно преувеличенным<sup>21</sup>. *Lex Claudia*, по мнению исследователя, обретает смысл только в том случае, если часть сенаторов была вовлечена в морские торговые операции действительно больших масштабов<sup>22</sup>. Однако каков бы ни был истинный политический смысл этой меры, она указывает лишь на наличие вне сената людей, занятых морской торговлей<sup>23</sup>. При этом возможность как принятия закона под нажимом этих лиц, так и того, что в нем были заинтересованы сенаторы, от-

<sup>14</sup> Harris. On War and Greed... P. 22–23; *idem*. War and Imperialism... P. 66–67.

<sup>15</sup> Harris. War and Imperialism... P. 91. В данном случае автор следует выводам Филиппо Кассолы, суждения которого по экономической ситуации в Риме III в. до н.э. оценивает достаточно высоко, и, вероятно, Цви Явеца (см. Harris. On War and Greed... P. 28. Not. 2; *idem*. War and Imperialism... P. 65, 67. Not. 1, 80. Not. 2). Подробнее см. ниже, прим. 34.

<sup>16</sup> Cic. 2 Verr. V. 45: *antiquae sunt istae leges et mortuae*. Тем не менее пассаж Цицерона, возможно, не следует понимать буквально. Сведениями о том, что *lex Claudia* был официально отменен, мы не располагаем. Более того, следует предположить, что его отмена обязательно нашла бы свое отражение в источниках, как это произошло с *lex Oppia* в 195 г. до н.э. На том, что закон Клавдия отнюдь не был временной мерой, настаивает Джон Д'Армс, отмечая исключительно долгий срок существования закона: будучи принят в 218 г. до н.э., он, как показывает Цицерон, действовал еще в 70-е годы I в. до н.э. В дальнейшем его нормы были повторены в 59 г. до н.э. в *lex de repetundis* Цезаря, и, кроме того, он упоминается в юридических памятниках III в. н.э. (*D'Arms J. Commerce and Social Standing in Ancient Rome. Cambr. (Mass.)—L., 1981. P. 5*).

<sup>17</sup> Harris. War and Imperialism... P. 80. Cp. *Toynbee A.J. Hannibal's Legacy. Vol. II: Rome and Her Neighbours after Hannibal's Exit. London—New York—Toronto, 1965. P. 187*.

<sup>18</sup> Gruen E.S. Material Rewards and the Drive for Empire // *Roman Imperialism... P. 30–46 (= The Imperialism of Mid-Republican Rome / Ed. W. Harris. Rome, 1984. P. 59–82)*.

<sup>19</sup> *Idem*. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley—Los Angeles—London, 1984.

<sup>20</sup> Liv. XXI. 63. 3: *inuisus etiam patribus ob nouam legem, quam Q. Claudius tribunus plebis aduersus senatum atque uno patrum adiuvante C. Flaminio tulerat* — «ненависть к Фламинию сенаторов увеличилась по случаю нового закона, предложенного плебейским трибуном Квинтом Клавдием против воли сената и при содействии одного только Гая Фламиния из среды сенаторов» (пер. Ф.Ф. Зелинского). Следуют отметить, что оба исследователя несмотря на принципиальное различие своих выводов в критике Ливия опираются на работу одного и того же автора: *Lippold A. Consules. Untersuchungen zur Geschichte des römischen Konsulates von 264 bis 201 v. Chr. Bonn, 1963. S. 93–95*. Cp. *Nicolet C. Économie, société et institutions au II<sup>e</sup> siècle av. J.-C.: de la lex Claudia à l'ager exceptus // Annales ESC. 1980. 5. P. 882*.

<sup>21</sup> Gruen. Material Rewards... P. 41. Not. 43; *idem*. The Hellenistic World... P. 301. Not. 65.

<sup>22</sup> Gruen. Material Rewards... P. 36; *idem*. The Hellenistic World... P. 307.

<sup>23</sup> Gruen. Material Rewards... P. 34; *idem*. The Hellenistic World... P. 300–301. Cp. «Поскольку Клавдий и Фламиний намеревались отвратить сенаторов от участия в морской торговле, мы можем заключить, что по крайней мере некоторые из них участвовали в ней в то время» (*Frank. An Economic History... P. 92. Not. 4*); «Как показывает *lex Claudia*, к началу Второй Пунической войны уже существовал определенный зажиточный слой несенатского происхождения, готовый брать государственные откупа» (*Kienast D. Cato der Zensor. Seine Persönlichkeit und seine Zeit. 3. Aufl. Darmstadt, 1979. S. 139. Anm. 21*).

рицается<sup>24</sup>. Таким образом, Грюэн отвергает распространенное мнение, что закон Клавдия отразил попытку неких деловых кругов в Риме исключить сенаторов из сферы заморских торговых операций. По его мнению, причины принятия закона следует искать не в желании получить экономические преимущества, а в морализаторской тенденции, связанной со стремлением сохранить престиж сенаторского сословия<sup>25</sup>.

Выводы, к которым приходят исследователи, безусловно, следует воспринимать в контексте развиваемых ими концепций. Предпринятая Харрисом попытка оспорить основные положения теории «оборонительного империализма», восходящей к Т. Моммзену и М. Олло, основывалась на аргументации положения, согласно которому желание славы и экономических выгод от успешных войн было главным стимулом римского милитаризма. Это обусловило акцент на экономических мотивах, определявших, по мысли автора, политику Римского государства в III–II вв. до н.э.<sup>26</sup> В первую очередь теми выгодами, которые несла с собой война, пользовалась сенатская аристократия, обогащаясь за счет военной добычи и обращения в рабство военнопленных<sup>27</sup>. Следствием этого процесса Харрис считает не только изменение традиционной структуры собственности, когда основной доход приносили земельные владения, но и деловых интересов сенаторов. По мысли автора, получаемые от войны сверхприбыли инвестировались (хотя и не всеми сенаторами) в морскую торговлю и ростовщичество<sup>28</sup>. Еще одним преимуществом изменения экономической стратегии сенаторского сословия стало получение громадных прибылей от эксплуатации рабского труда<sup>29</sup>.

Важным следствием военной активности Рима, согласно Харрису, было то, что она позволяла извлекать «коллективную выгоду» (*collective economic benefits*), так или иначе вовлекая в свою сферу различные группы населения – от простых общинников, получавших в качестве рядовых солдат свою долю военной добычи, до публиканов, ростовщиков и торговцев, занимавшихся военными поставками и сбором налогов в провинциях<sup>30</sup>. Стремительное обогащение части гражданского коллектива способствовало установлению тесных связей между сенаторами и состоятельными людьми несенаторского звания, в том числе торговцами. Политическое влияние последних Харрис не склонен преуменьшать – напротив, объявление Делоса свободным

<sup>24</sup> Gruen. *Material Rewards...* P. 36–39; *idem*. *The Hellenistic World...* P. 306–308.

<sup>25</sup> Gruen. *Material Rewards...* P. 42. Not. 43; *idem*. *The Hellenistic World...* P. 301. Not. 65. Как можно заметить, по существу исследователь принимает объяснение, которое дает Ливий. Такого же мнения придерживается Т. Франк, отметивший, что «объяснение Ливия, будто римляне считали доходные занятия делом, недостойным сенатора, является, несомненно, правдой» (*An Economic History...* P. 114). В другой своей работе он рассматривает Клавдиев плебисцит в более широком контексте недовольства народа сенатом, которое и выразилось в намерении ограничить законом деятельность правящего класса строго определенными сферами общественной жизни: войной, политикой и законодательством (*Frank T. An Economic Survey of Ancient Rome. Vol. 1. Baltimore, 1933. P. 74*). Следует отметить, что данное представление в различных его вариациях характерно для целого ряда исследователей. Согласно Х. Хиллу, мотивы Клавдиева закона были смешанными, частично подпитываясь ненавистью к сенаторскому классу, частично определяясь желанием очистить провинциальную администрацию и сделать завоевательные войны менее привлекательными для сенаторов (*Hill H. The Roman Middle Class in the Republican Period. Oxf., 1952. P. 87*). Со свойственной ему образностью А. Тойнби расценивал закон Клавдия как стремление плебса «подрезать крылья» римского истеблишмента, перенаправив его экономические интересы от торговли к землевладению (*Toynbee. Op. cit. P. 187–189*). М. Кроуфорд видит в законе Клавдия попытку римской общины придать нобилитету характер сословия земельной аристократии (*Crawford M.H. The Early Roman Economy, 753–280 B.C. // L'Italie préromaine et la Rome républicaine. Mélanges offerts à J. Neurgon. Roma, 1976. P. 203. Not. 28*). Подобные взгляды характерны и для работ последнего времени. В. Кункель видит в законе Клавдия попытку со стороны Гая Фламиния предотвратить все более возрастающее расхождение интересов крестьянского сословия и сенатской аристократии, подавив деловые интересы последней (*Kunkel W. Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik. München, 1995. S. 612*). На демократические тенденции *lex Claudia* указывает венгерская исследовательница Н. Эль-Бехаири, рассматривая закон в контексте «революционной» деятельности Гая Фламиния (*El Beheiri N. Die lex Claudia de nave senatorum // RIDA. 2001. 48. P. 57–63*).

<sup>26</sup> Ср. «Проблема возможных экономических мотивов римского империализма справедливо кажется неспециалистам одной из самых важных в истории Римской республики, но в течение долгого времени она привлекала совсем небольшое внимание специалистов» (*Harris. On War and Greed...* P. 17).

<sup>27</sup> *Harris. On War and Greed...* P. 18–24; *idem. War and Imperialism...* P. 74–93.

<sup>28</sup> *Harris. On War and Greed...* P. 22–24; *idem. War and Imperialism...* P. 79–82.

<sup>29</sup> *Harris. On War and Greed...* P. 23; *idem. War and Imperialism...* P. 82–85.

<sup>30</sup> *Harris. On War and Greed...* P. 26–27; *idem. War and Imperialism...* P. 93–102.

портом в 165 г. до н.э. и разрушение Коринфа в 146 г. до н.э. он считает примером того, «сколько мало мы знаем о том, как формировалась политика в Риме и к кому прислушивались члены сената»<sup>31</sup>. «Особые» отношения между сенаторами и торговцами приводили к тому, что время от времени сенат использовал всю мощь государства в интересах больших торговых групп<sup>32</sup>. Таким образом, версия Харриса относительно причин принятия закона Клавдия, несмотря на определенную противоречивость (влияние торговых кругов должно было быть очень велико, чтобы под их нажимом дружественный им сенат принял невыгодный для себя закон)<sup>33</sup>, логически вытекает из развиваемой автором концепции экономической составляющей римского империализма<sup>34</sup>.

Следует отметить, что в своих работах Харрис делает ряд интересных наблюдений относительно Клавдиева закона. Так, он обращает внимание на то, что *lex Claudia* нельзя считать мерой, направленной исключительно на запрет для сенаторов занятий, не дозволенных с точки зрения общественной морали, на чем настаивает Ливий, поскольку он не ограничивает, к примеру, такой вид деятельности, как ростовщичество<sup>35</sup>. Следует отметить и поставленный Харрисом вопрос о неадекватности присутствующей в историографии оценки существовавшего в Риме отношения к торговле<sup>36</sup>. Высказывание Ливия, что торговля признавалась «безусловно позорной» для сенаторов, было подробно проанализировано в работе Дж. Д'Армса<sup>37</sup>. Исследовав отношение в Риме к богатству и тому, из каких источников оно складывается, автор нарисовал сложную и неоднозначную картину. Источники показывают как примеры презрительного отношения к торговле и торговцам, так и отношение к *mercatores* как лицам не только богатым, но и уважаемым. Само по себе богатство никогда не осуждалось в Риме, напротив, оно было важным признаком человека, занимающего высокое социальное положение<sup>38</sup>. По всей видимо-

<sup>31</sup> *Harris. War and Imperialism...* P. 99.

<sup>32</sup> *Harris. On War and Greed...* P. 26; *idem. War and Imperialism...* P. 94–95.

<sup>33</sup> Пытаясь как-то объяснить эту парадоксальную ситуацию, он замечает: «Следует согласиться – и это представляет большой интерес – с тем, что сенаторы допускали определенные ограничения своей возможности пользоваться выгодами системы империализма» (*Harris. War and Imperialism...* P. 90).

<sup>34</sup> В данной связи закономерен вопрос, что конкретно представляли собой эти торговые круги. Близкие построения Харриса идеи высказывал в статье 1962 г. Ц. Явец, указывая на существование вне сената влиятельной деловой группы, своего рода новой плебейской знати, в состав которой входили фамилии Мамилиев, Отацилиев, Аквиллиев, Атилиев, Аврелиев, Лутациев, Дуилиев, Цецилиев и Фульвийев. Ее отличало то, что представители «новой знати» не ограничивали свои экономические интересы инвестициями в сельское хозяйство, но участвовали в торговых операциях больших масштабов. Обогатившись в период Первой Пунической войны и последующие годы, они рассматривали сенаторов как нежелательных конкурентов, вторгавшихся в их сферу деятельности. В результате эта группировка воспользовалась благоприятным моментом, оказав политическую поддержку лидеру популистской ориентации Гаю Фламинию. Обращает на себя внимание, что Явец также высказывал серьезные сомнения в эффективности закона Клавдия в части противодействия торговым операциям сенаторов, считая его полностью устаревшим ко времени Цицерона. Смысл закона, по его мнению, заключался не в запрете коммерческой деятельности сенаторов, как таковой, а в том, что будучи лишены возможности действовать напрямую сенаторы оказывались привязанными к посредникам из числа новых плебейских фамилий (*Yavetz. Op. cit.* P. 327–328, 341–343). Эта по своему логичная конструкция была видоизменена Ф. Кассолой, который высказал предположение, что целью *lex Claudia* было исключение из сената представителей деловых и торговых кругов (*Cassola F. I gruppi politici romani nel III secolo a.C. Trieste, 1962.* P. 216–217). По меткому замечанию Грюэна, тем самым Кассола поставил всю конструкцию с ног на голову, поскольку в таком случае необъясненным остается сопротивление сената принятию закона, пусть даже масштаб его был Ливием преувеличен (*Gruen. Material Rewards...* P. 42. Not. 43; *idem. The Hellenistic World...* P. 301. Not. 65). Возможно, наложение идей Ц. Явца и Ф. Кассолы вызвало определенную противоречивость построений В. Харриса, отмеченную выше.

<sup>35</sup> *Harris. On War and Greed...* P. 24.

<sup>36</sup> *Harris. On War and Greed...* P. 22–24; *idem. War and Imperialism...* P. 66–67.

<sup>37</sup> *D'Arms. Op. cit.* P. 20–31.

<sup>38</sup> Как афористично замечает Д'Армс (*Op. cit.* P. 47), мнение о том, что любая форма предпринимательства была неприемлема для сенаторов, является чем-то большим, чем вымысел, но меньшим, чем норма. Грюэн, придерживаясь традиционного взгляда на отношение высших сословий к любой форме предпринимательства, тем не менее делает оговорку, что «презрительное отношение к торговцам и ремесленникам все же имело свои границы» (*Material Rewards...* P. 43. Not. 75). Cp. *Baltrusch E. Regimen morum. Die Reglamentierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserzeit. München, 1989.* S. 30–31.

сти, отношение к торговле зависело от ее масштабов и конечных целей<sup>39</sup>. Как свидетельствует Цицерон, «торговлю, если она незначительна, надо считать грязным делом; если же она обширна и прибыльна, когда отовсюду привозится много товаров и многие люди снабжаются ими без обмана, то ее порицать нельзя. Более того, если она, насытившись, или, вернее, удовлетворившись полученным доходом, перешла, как это часто бывает, из открытого моря в гавань, а из самой гавани в глубь страны и в земельные владения, то ее, по-видимому, можно хвалить с полным на это основанием»<sup>40</sup>. Таким образом, перемещение денег из высокодоходной торговли в менее доходное сельское хозяйство было обусловлено мотивами не экономическими, а социальными, выражая потребность в поддержании высокого статуса и престижности в римском обществе<sup>41</sup>.

В отличие от В. Харриса Э. Грюэна следует отнести скорее к сторонникам традиционного подхода к проблеме римского империализма<sup>42</sup>. В его работе содержится скрытая, а порой и прямая полемика с идеями Харриса. Грюэн признает: «Только наивный или слепой будет отрицать, что римляне осознавали и даже приветствовали экономические выгоды завоеваний»<sup>43</sup>. Однако далее он задает вопрос: а что дает нам осознание этого обстоятельства? Следует ли из этого, что желание получать выгоды, даваемые войной, стало причиной продвижения Рима к созданию империи? Ответ, который дает исследователь, безусловно отрицательный.

Можно заметить, что по своей структуре статья Грюэна воспроизводит распределение материала во второй главе книги Харриса, которая распадается на несколько подразделов: государство – сенаторы – другие группы гражданского коллектива. Такое совпадение явно не является случайным, поскольку Грюэн последовательно пытается опровергнуть основные положения концепции Харриса, предлагая свое видение основных тенденций развития римского общества в III–II вв. до н.э.<sup>44</sup> В свете обсуждаемых проблем особый интерес представляет картина взаимоотношений сенаторов с другими группами населения. Грюэн не отрицает наличие в Риме достаточно влиятельных деловых групп, в состав которых входили откупщики (*publicani*), ростовщики (*fenegatores*), крупные и мелкие торговцы (*negotiatores* и *mercatores*). Расцвет их активности, по мнению исследователя, приходится на конец III – начало II в. до н.э.<sup>45</sup> Однако сенаторы были очень далеки от того, чтобы подчинять государственную политику интересам деловых сообществ и часто вступали с ними в конфликт<sup>46</sup>. Тем не менее в основе этих конфликтов не лежало

<sup>39</sup> Finley M.I. *The Ancient Economy*. Berkeley–Los Angeles, 1973. P. 41–56. Однако Грюэн отмечает, что «недоказанным является, имел ли место такой подход в период Средней Республики» (*Material Rewards...* P. 44. Not. 75).

<sup>40</sup> Cic. *De off.* I. 151 (пер. В.О. Горенштейна): *Mercatura autem, si tenuis est, sordida putanda est; sin magna et copiosa, multa undique apportans multisque sine vanitate inperitens, non est admodum vituperanda; atque etiam si satiata quaestu vel contenta potius, ut saepe ex alto in portum, ex ipso se portu in agros possessionesque contulit, videtur iure optimo posse laudari.*

<sup>41</sup> Харрис справедливо обращает внимание на характеристику, которую дает торговле Катон Старший: опасное, но не несущее позора занятие, которое он противопоставляет ростовщичеству (*On War and Greed...* P. 24). Cp. *Cat. De agr. Praef.* I; 3: *Est interdu praestare mercaturis rem quaerere, nisi tam periculosum sit, et item foenerari, si tam honestum...* *Mercatorem autem strenuum studiosumque rei quaerendae existimo, verum, ut supra dixi, periculosum et calamitosum.* – «Иногда стоило бы дохода ради заняться торговлей, не будь это так опасно, а то и отдавать деньги в рост, будь только это почетно... Я считаю купца человеком стойким и ревностным к наживе, только жизнь его и опасна, и бедственна» (пер. М.Е. Сергеевко). По мнению Э. Габбы, Катон относился к морской торговле не столь отрицательно, как это принято считать (*Gabba E. Riflessioni antiche e moderne sulle attività commerciali a Roma nei secoli II e I a.C. // The Seaborne Commerce of Ancient Rome. Studies in Archaeology and History / Ed. J. D'Arms, E. Kopff. Rome, 1980. P. 91–102*).

<sup>42</sup> Cp. Rich J. *Fear, Greed, and Glory: The Causes of Roman War Making in the Middle Republic // Roman Imperialism...* P. 48.

<sup>43</sup> Gruen. *Material Rewards...* P. 30.

<sup>44</sup> Подраздел «Italy and Beyond, 327–220 B.C.» книги Харриса слабо представлен в статье Грюэна по причине того, что ее главной задачей было заявлено исследование римской экспансии в III–II вв. до н.э. с особым упором на взаимоотношения Рима и эллинистического Востока (*Gruen. Material Rewards...* P. 30).

<sup>45</sup> Ibid. P. 34–35.

<sup>46</sup> Gruen. *Material Rewards...* P. 36; *idem. The Hellenistic World...* P. 306. Авторитетный специалист в области древнеримской экономики Ж. Андро также отмечает, что связи между сенаторами и торговцами в III–II вв. до н.э. не были столь устойчивыми и тесными, как это порой предполагается (*Andreau J. Les commerçants, l'élite et la politique romaine à la fin de la République (III<sup>e</sup>–I<sup>er</sup> siècles av. J.-C.) // Mercanti e politica nel mondo antico / Ed. C. Zaccagnini. Roma, 2004. P. 218*).

принципиальное расхождение интересов, которое могло бы подтолкнуть деловые круги Рима к «лоббированию» законопроекта, ущемлявшего экономические интересы сенаторов<sup>47</sup>. Как пишет автор, «patres принимали решения по государственным делам, исходя из соображений, не совпадающих с целями и выгодами negotiatores»<sup>48</sup>. Явно неприемлемой для автора является и логика рассуждений Ф. Кассолы. Э. Грюэн признает, что многие сенаторы имели экономические интересы, выходящие за пределы традиционного землевладения. Однако от признания этого очевидного факта очень далеко до спекулятивного умозаключения, будто экономические инициативы сенаторов определяли или по крайней мере оказывали сильное влияние на принятие государственных решений. Сенаторы, по мнению исследователя, вели себя крайне осторожно и избегали даже зародыша конфликта собственных экономических интересов и интересов государства<sup>49</sup>.

Как можно видеть, ни В. Харрис ни Э. Грюэн не дают прямого ответа на вопрос о причинах, вызвавших принятие закона Клавдия. Некоторые важные аспекты проблемы ими не раскрыты и, вероятно, были просто не замечены. К примеру, оба автора проигнорировали то обстоятельство, что Гай Фламиний не был инициатором принятия *lex Claudia* – строго говоря, таковым был плебейский трибун Квинт Клавдий<sup>50</sup>. Парадоксально, но *rogator* закона Клавдия практически не привлёк внимания исследователей в отличие от Гая Фламиния<sup>51</sup>. Судя по *nomen gentilicium*, он был связан с фамилиями *gens Claudia* и, в силу происхождения, прежде всего с плебейскими ветвями рода. Отсутствие любых подробностей о его личности у Ливия заставляет думать, что либо римский историк ничего о нем не знал, либо это была второстепенная фигура, сведений о которой не сохранилось. Возможен, правда, и третий вариант – Квинт Клавдий скрывается за кем-то из многочисленных Клавдиев, действовавших в Риме в период Ганнибаловой войны<sup>52</sup>. В любом случае, не будет большой натяжкой предположить, что Квинт Клавдий приходился близким либо отдаленным родственником Марку Клавдию Марцеллу, принадлежавшему к плебейской ветви Клавдиев. Таким образом, фигура Квинта Клавдия не столько приближает нас к Гаю Фламинию, сколько выводит на одного из самых известных полководцев Ганнибаловой войны, являвшегося самостоятельной фигурой на политической арене Рима.

Встречаются в разбираемых работах и явно ошибочные интерпретации<sup>53</sup>. Так, В. Харрис утверждает, что даже закон Клавдия позволял использовать небольшие корабли для перевозки урожая на рынок<sup>54</sup>. Хотя в сообщении Ливия прямо не говорится, с какой именно целью урожай (*fructus*) вывозился из сельской местности (*agris*), следующее далее предложение, в котором утверждается, что стяжательство (*quaestus*) признавалось позорным для сенаторов (*indecorus*), делает невозможным предположение о том, что урожай напрямую шел на рынок<sup>55</sup>. Дж. Д'Армс обратил внимание на то, что формулировка закона такова, что он не отстранял сенаторов от

<sup>47</sup> Здесь уместно еще раз вернуться к мысли Э. Грюэна о том, что закон Клавдия обретает смысл только в том случае, если хотя бы часть сенаторов была вовлечена в широкомащтабные торговые операции (*Material Rewards*... P. 36; *The Hellenistic World*... P. 307).

<sup>48</sup> Gruen. *Material Rewards*... P. 36.

<sup>49</sup> Ibid. P. 36–37.

<sup>50</sup> Объяснением может служить то, что Гай Фламиний часто воспринимается в качестве истинного вдохновителя закона, тогда как Квинт Клавдий присутствует в этих событиях в качестве «технической» фигуры, необходимой строптивому консулу для внесения законопроекта в комиции. См., например: *Baltrusch*. Op. cit. S. 33; *El Beheiri*. Op. cit. P. 61–63.

<sup>51</sup> Как отмечает Эрнст Балтруш, Ливий ничего не сообщает нам о причинах принятия закона, поскольку вместо этого он помещает в свое повествование образ враждебного сенату Гая Фламиния. Его политическая позиция, представленная Ливием, по сути, и является объяснением причин принятия закона Клавдия (*Baltrusch*. Op. cit. S. 32). Развивая эту мысль несколько в ином направлении, можно сказать, что скорее закон Клавдия понадобился Ливию для того, чтобы ярче обрисовать политическую деятельность Гая Фламиния, а не наоборот.

<sup>52</sup> По предположению Ф. Мюнцера, автором закона Клавдия мог быть Квинт Клавдий Фламин, претор 208 г. до н.э. (*Münzer F. Claudius* (151) // RE. Hlbd VI. Stuttgart, 1899. Sp. 2721).

<sup>53</sup> Как известно, от ошибок не застрахованы как начинающие, так и весьма авторитетные исследователи. Так, Патриция Джескинс не только описывает закон Клавдия как анонимный, но и относит его ко II в. до н.э. (*Jeskins P. The Environment and the Classical World*. L., 1998. P. 43). С другой стороны, Питер Гарнсей указывает, что *lex Claudia* отстранял сенаторов от владения морскими судами любого размера (*Garnsey P. Grain for Rome // Trade in the Ancient Economy* / Ed. P. Garnsey, K. Hopkins, C.R. Whittaker. Berkeley-Los Angeles, 1983. P. 121).

<sup>54</sup> Harris. *On War and Greed*... P. 24.

<sup>55</sup> *Liv.* XXI. 63. 4: *Id satis habitum ad fructus ex agris uectandos*. Ф.Ф. Зелинский перевел это место следующим образом: «Эта востребованность считалась законодателем достаточной, чтобы привезти в город из деревни припасы для собственного употребления».

всех форм предпринимательства, а только от владения крупнотоннажными судами<sup>56</sup>. Исходя из сообщения Ливия, можно предположить, что законом Клавдия были разрешены перевозки продукции, произведенной в имениях, расположенных у рек, впадающих в море. Вместе с тем широкомасштабная торговля на итальянском или заморских рынках являлась предприятием иного масштаба, чем вывоз продукции, произведенной в загородных имениях. Есть все основания считать, что такие перевозки либо вообще не имели отношения к торговле, либо имели лишь косвенное<sup>57</sup>. Понять их предназначение можно в свете структуры римской семьи высокого социального ранга, распадавшейся на две части: *familia urbana* и *familia rustica*. Существование городского дома и его благополучие во многом зависело от успешного функционирования загородного хозяйства, откуда доставлялось все необходимое, и в том числе продовольствие<sup>58</sup>. Многие римские семьи были достаточно внушительными по размеру, включая помимо *paterfamilias* и домочадцев (в круг которых кроме жены и детей могли входить находившиеся под *patría potestas* домовладыки взрослые сыновья со своими женами и потомством) клиентов, вольноотпущенников, друзей, а также многочисленную рабскую прислугу, в силу чего они нуждались в значительном количестве сельскохозяйственной продукции, производившейся в сельском сегменте фамилии<sup>59</sup>. Очевидно, что в такой ситуации возникала проблема транспортировки собранного урожая в город. Неслучайно латинские авторы, писавшие о сельском хозяйстве, указывали на необходимость при покупке имения учитывать близость реки или моря (*Cat. Agr.* 1. 3; *Varr. RR.* I. 16. 6; *Colum.* I. 2. 3). Перевозки на небольших по размеру судах вдоль побережья были наиболее эффективным и быстрым способом транспортировки продовольствия<sup>60</sup>.

Два взгляда на закон Клавдия, предложенные В. Харрисом и Э. Грюэнном, по существу отражают две линии развития историографии вопроса<sup>61</sup>. Э. Балтруш справедливо заметил, что едва ли существует другой закон, принятие и содержание которого вызвало бы столь оживленную дискуссию<sup>62</sup>. Вместе с тем по своей сути эта дискуссия сводится к вопросу о соотношении экономических, политических и социальных аспектов ситуации, подготовившей принятие закона<sup>63</sup>. С этой точки зрения можно выделить определенное историографическое направление, характерной чертой которого является интерес к экономическим и социальным факторам развития римской общины, преимущественно в контексте проблемы римского империализма. Взгляды

<sup>56</sup> *D'Arms.* Op. cit. P. 31.

<sup>57</sup> По мнению Клауса Брингмана, суда грузоподъемностью ок. 8 тонн вообще нельзя относить к морским торговым судам. Исследователь справедливо ставит вопрос о том, что если указанный тоннаж был достаточен для перевозки урожая, как об этом пишут источники, необходимо четко представлять себе размеры такого урожая. Опираясь на данные Израйла Шацмана, он в качестве примера приводит хозяйство Элия Туберона, проживавшего вместе с 16 родственниками (*Plut. Paul.* 28). Средний урожай со 100 югеров земли составлял примерно 8 тыс. амфор. Хозяйство одной из беднейших сенатских фамилий III в. до н.э. оценивается в 150–200 югеров (*Schatzman I. Senatorial Wealth and Roman Politics.* Brussels, 1975. P. 48, 241. Not. 9). Следовательно, ежегодный урожай, получаемый в хозяйстве Элия Туберона, должен был составлять 12–16 тыс. амфор. Это означает, что для реализации своей продукции на заморских рынках Элий Туберон должен был совершать от 40 до 53 плаваний в течение одного сезона (*Bringmann K. Zur Überlieferung und zum Entstehungsgrund der lex Claudia de nave senatoris* // *Klio.* 2003. 85. 2. S. 316).

<sup>58</sup> Ляпустин Б.С. Место и роль семейного ремесла в структуре древнеримской экономики // ВДИ. 1992. № 3. С. 55.

<sup>59</sup> Кузищин В.И. Очерки по истории земледелия Италии (II в. до н.э. – I в. н.э.). М., 1966. С. 186–187; Ляпустин В.И. Ук. соч. С. 55. Ср. «Возможно, что в тогдашних богатых домах слуг было не так мало, как старались представить позднейшие панегиристы “нравов предков”. В комедии жившего в III в. до н.э. Невия “Carbonaria” бедняку, который сам себе прислуживает за едой, противопоставляется некто, чей стол во время еды окружают многочисленные рабы (*Naev. fr.* 27). Полибий упоминает большое число рабов и рабынь, сопровождавших во время празднеств жену Сципиона Африканского (*Polyb. XXXII.* 12. 4). В одном фрагменте Луция упомянуто какое-то лицо, содержащее в доме “20, 30, 100 убийц пищи (*cibicides*)” (*Luc.* 27. fr. 787)» (*Штаерман Е.М.* Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964. С. 121).

<sup>60</sup> Кузищин В.И. Римское рабовладельческое поместье (II в. до н.э. – I в. н.э.). М., 1973. С. 113.

<sup>61</sup> Обзор литературы, посвященной закону Клавдия, см. *Cássola.* Op. cit. P. 216–217; *Yavetz.* Op. cit. P. 328–329; *Baltrusch E.* Op. cit. S. 34–38.

<sup>62</sup> *Baltrusch.* Op. cit. S. 33.

<sup>63</sup> Квашигин В.А. Законы о роскоши в древнем Риме эпохи Пунических войн. Вологда, 2006. С. 7.

В. Харриса, как мы попытались показать, формировались под влиянием представителей именно этого направления. Будучи весьма влиятельным, оно, однако, в последние десятилетия подверглось обоснованной критике со стороны группы исследователей, среди которых можно назвать и Э. Грюэна<sup>64</sup>. Многочисленные противоречия и неувязки, связанные с попыткой объяснить издание закона Клавдия теми или иными социально-экономическими факторами, стимулировали иную логику научного поиска. В самом общем виде она сводится к тому, что принятие *lex Claudia* не имело четко обозначенных политических либо экономических причин. Это, в свою очередь, позволило вывести на первый план идеологический аспект проблемы, с самого начала присутствовавший в работах исследователей<sup>65</sup>.

Подводя итог, следует отметить, что интерпретация закона Клавдия и объяснение причин его принятия представляют собой крайне сложную задачу. В первую очередь это связано с минимумом информации как о самом законе, так и о тех социальных, политических и экономических условиях, в которых он принимался. Крайняя скудость сведений о *lex Claudia* благоприятствует появлению гипотез и концепций, противоречащих друг другу и только еще более затемняющих картину событий и запутывающих исследователя<sup>66</sup>. Антиковедческие штудии, идущие в этом направлении уже более столетия, привели лишь к выделению множества социальных, политических, экономических, идеологических, военных факторов, которые могли повлиять на принятие закона Клавдия<sup>67</sup>. Постоянное усложнение поля исследования однако приводит к его «размыванию», когда за «лесом» многочисленных сил и факторов, определявших ситуацию в римском обществе конца III в. до н.э., все труднее разглядеть те, которые являются главными, вызвав к жизни *lex Claudia*. Их выделение – задача будущих исследований.

В.А. Квашинин

<sup>64</sup> Подробнее см. Квашинин В.А. Проблемы интерпретации закона Клавдия 218 г. до н.э. в современной историографии // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4/1. С. 10–14.

<sup>65</sup> Что, впрочем, не исключает учета и иных мотивов, связанных с войной, политикой и экономикой, что хорошо видно на примере работ Э. Грюэна.

<sup>66</sup> Ярким примером подобного рода является интерпретация В. Харрисом и Э. Грюэном одного и того же источника – элогия Луция Цецилия Метелла, датированного 221 г. до н.э. (Harris. On War and Greed... P. 24; *idem*. War and Imperialism... P. 67; Gruen. Material Rewards... P. 36; *idem*. The Hellenistic World... P. 307).

<sup>67</sup> См. подробнее: Baltrusch. Op. cit. S. 34–38.